

А.А.Тесля

НЕМЫСЛИМЫЙ ПРЕДМЕТ

ПЬЕР БУРДЬЕ О ПРОИЗВОДСТВЕ МОНОПОЛИИ НА ОФИЦИАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Бурдьё П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Ред.-сост. П.Шампань, Р.Ленуар, Ф.Пупо, М.-К.Ривьер; пер. с фр. Д.Кралечкина и П.Кушнаревой; предисл. А.Бикбова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, государство, легитимность, универсальное, официальное

Хорошо известно, что социология возникла как наука полицейская, подобно тому, как антропология явилась наукой колониальной: если антропология была призвана давать информацию о тех сообществах, с которыми предстояло взаимодействовать как чиновникам и предпринимателям в колониях, так и центральному аппарату империй, то социологии надлежало объяснять и одновременно оправдывать как разумный существующий порядок в пределах государственных («национальных») границ. Последняя рамка представляла в качестве самоочевидной — ее порождал и ее же подтверждал материал, который поставляла социологии статистика, прямое детище полицейских практик XVIII—XIX вв., воспроизводивший сложившиеся административные членения и обращавший созданные для сбора информации категории в «естественные» инструменты последующего анализа. Сопоставление «классовой структуры» Франции и Германии, равно как и анализ самоубийств по странам и провинциям, было исследовательским ходом, крайне редко подвергавшимся рефлексии.

Государство выступало в этом случае как «рамка» (*cadre*), задающая границы видимого, отделяющая одно от другого, обозначающая где изображение, а где то, что не является таковым и, соответственно, не может претендовать на внимание, оставаясь в недифференцированном статусе «иногое», «не относящегося к делу». Требовалось объяснить различия уже в пределах, установленных этим разграничением, ответить на вопросы, связанные с государством. Не важно, исходили ли эти вопросы от государства или, напротив, были к нему обращены, — в любом случае ситуация не предполагала проблематизации самого государства. Особенно наглядно это проявилось в функционализме — государству приписывался ряд функций, которые ему следовало выполнять (в силу, надо полагать, его изначальной «природы»), а затем речь уже шла о том, каким образом и с какой эффективностью

разные известные из прошлого или современные образования, именуемые государствами, их выполняют. Установка того же рода порожидала и эффект исторической глубины государства — его готовы были находить и в Античности, в Средневековье, полагая по умолчанию, что историческое дает нам развертку некоего единого феномена, и тем самым вводя современное положение как скрытую норму-итог всего предшествующего развития (причем само развитие представляло единством за счет презюмируемого единства субъекта-объекта).

С 1960-х годов ситуация заметно меняется — и в 1980-е годы государство оказывается предметом целого ряда социологических программ и объектом изучения весьма различных авторов, от Баррингтона Мура и Чарльза Тилли до Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё. В тот момент, когда историческая реальность государства переживает кризис, она делается зримой, одновременно обнаруживая и то, насколько «государство» успело измениться за минувшие столетия, превратившись из «фона», столкновения с которым были эпизодическими, в систему, охватывающую европейского индивида почти целиком, на любом этапе его существования, и то, сколь многое из происходящего не вмещается в государственные границы, начиная с транснациональных корпораций и кончая всевозможными надгосударственными образованиями. В результате государство становится сложно мыслить как естественную рамку, оно предстает все более условным выделением, разметкой поверхности, у которой нет автоматически привилегированного положения над другими элементами той же самой поверхности. Однако подобному «растворению» среди других объектов мешает то обстоятельство, что государство не просто явно больше их, но из него постоянно исходит и к нему возвращается разговор.

* * *

Опираясь на выражение самого Бурдьё, издатели озаглавили первый раздел первой лекции, посвященной государству, как «немыслимый предмет». «Немыслимость» в данном случае носит множественный характер. Она проявляется и в том, что указанный предмет традиционно «не мыслился» социологией, начавшейся с принятия соответствующей границы, с рассмотрения того, что находится в ее пределах; и в том, что приписывание государству чего-то как его свойства, эффекта и т.п. зачастую означает объяснение неизвестного через то, что требуется объяснить; и в том, что государство невозможно помыслить, ибо мы имеем лишь многообразие приписываемых ему действий, на основании которых конструируется субъект, их совершающий: «Государство было огромным прибежищем невежества — в том смысле, что на государство сваливают все то, что не получается объяснить в социальном мире, так что в итоге его наделяют самыми разными функциями: государство охраняет и т.д. В книгах с „теоретическими“ претензиями вы можете найти фантастическое количество фраз, в которых государство выступает подлежащим. Подобное гипостазирование

слова „государство“ — своего рода повседневная теология. Ведь делать государство подлежащим в общем-то совершенно бессмысленно» (с. 209).

Если исходить из веберовского определения государства как «монополии на легитимное насилие», то такого государства не удастся найти ни в Древнем Риме, ни в Османской империи. Разумеется, не составит труда проследить связи между устройством государства, его институтами и исторически более ранними или синхронными формами политического существования — но для того чтобы государство стало видимым в своей специфике, необходима операция разрыва.

При желании подчеркнуть разрыв в этом случае говорят о государстве как о феномене, известном с XVII в., или же, если одновременно хотят сохранить генеалогию, употребляют понятие «государство» как зонтичное, говоря уже о «модерном» или «национальном государстве» и вводя для прочих феноменов иные уточняющие определения, — и Бурдьё на протяжении курса 1989—1992 гг. и в последующих публикациях, где он обращается к теме государства, пользуется обеими возможностями. Однако ключевой вопрос остается тем же: как устроена, как производится (производилась) та реальность, которая называется государством и которая так долго была беспроблемной? Обращение к истории здесь выступает методологическим приемом; история предстает как путь к забытым основаниям — к тому, что сделалось само собой разумеющимся и оттого невидимым: «...я не думаю, что поиски исходного <...> следует смешивать с поисками элементарного. С моей точки зрения, исходное — это место, в котором складывается ряд вещей, которые, когда они уже сложились, остаются незамеченными. Исходное там, где суть, это место, в котором видна борьба» (с. 197).

История, таким образом, лишь один из приемов — наряду с этно-методологическими исследованиями, например анализом заполнения бланков или детальным рассмотрением отдельно взятой государственной комиссии. С последнего, кстати, Бурдьё и начинает свой курс. Он последовательно настаивает на том, что до тех пор, пока вопрос о государстве сформулирован в общем виде, пока исследователь (не важно, теоретик или эмпирик) сосредоточен на «больших событиях», «исторической динамике» и т.п., все это неизбежно оказывается разговором о государстве на языке самого государства — очередным рассуждением на тему «упадка и крушения» или, напротив, «возникновения и роста». В любом случае все принципиальные для понимания государства вопросы сняты изначально, государство сделано невидимым именно потому, что помещено в центр внимания тем самым способом, какой ему самому кажется надлежащим, — через язык, который вырабатывается государством.

Возможные альтернативы всегда частичны — хотя бы потому, что нельзя быть свободным от этого языка. Однако от него можно отстраниться, изменить перспективу — поставить вопрос о государстве

так, как оно само считает «не относящимся к делу», вторичным, несущественным. Таким ходом может стать анализ самого языка, сосредоточенный не на том, что стремятся нам сообщить, а на том, каким образом это делают, кто является агентом высказывания, кто его формирует и распространяет: «...все фразы, в которых подлежащим является государство, суть фразы теологические, что не означает, что они ложны, покуда государство является теологической сущностью, то есть той, что существует благодаря вере» (с. 63).

Государство в логике Бурдьё предстает как производство официального и универсального. Собственно, создание последних двух и есть создание государства в современном смысле, никогда не свободного от присутствия иного, инородного, обнаружение чего у противника/конкурента становится преимуществом, как, например, указание на семейственность при назначении на должности или выявление частного интереса у конкретного лица или инстанции. Пример с жилищной комиссией используется Бурдьё как узловой — он обращается к нему и в начале курса, и в самом конце, почти два года спустя. За всеми членами комиссии (кроме председателя) признается наличие «своего» интереса; на этом основании — как имеющие заинтересованность в рассматриваемом вопросе — они в нее и включаются. В результате комиссия не обязательно принимает решение — оно может быть принято и задолго до нее. То, что она производит, — феномен принципиально иного рода. Она делает это решение официальным, принадлежащим не отдельным лицам и группам, а государству, месту всеобщего. Рядовые члены комиссии в этой оптике — не те, кто обладает «своим» интересом, а те, за кем обладание таковым признано, кто вправе им обладать, те, чей особый интерес наделен официальной, общей значимостью (в отличие от прочих интересантов, чей интерес сочтен дважды частным, то есть не только их личным, но и не имеющим значения для остальных). Однако председатель комиссии — это тот, кто назначается государством, его представитель. И его позиция неоспорима до тех пор, пока он не будет заподозрен в наличии собственного интереса, i.e. его особый интерес есть «незаинтересованность».

Государство осмысляется как поле полей — иными словами, то поле, динамика которого определяет положение других полей, переводимость позиций. Государство производит универсальное и производится им в своих границах. С этой точки зрения националистическое движение может рассматриваться как попытка обратить то, что в существующих границах является партикулярным, в универсальное (например, сделать язык меньшинства государственным).

Производство универсального (производство государства) обусловлено наличием тех, кому это нужно, то есть тех, чей особый интерес состоит в «незаинтересованности» (к данной категории относятся, в частности, юристы, говорящие от имени «права»). По мере того как складывается поле государства, король все в меньшей степени может

говорить от своего имени, преследовать собственный интерес — последний должен быть представлен в качестве всеобщего или стать таковым, что безразлично на принципиальном уровне. Значимо то, что теперь король — это не обладатель королевства, он отсылает не к себе, а к безличному — «королевству», говорит от его имени и только в этом смысле его речения являются королевскими, а не частного лица.

NB! Анализируя проблематику публичного и частного, когда частное возникает (как парное понятие) только вслед за публичным, Бурдые акцентирует положение «публичного лица» как в пределе лишенного всего частного. Частные суждения короля или, скажем, президента республики становятся предметом публичного рассмотрения именно потому, что применительно к этой фигуре невозможно провести разграничение, указать, какая сфера будет для него частной — публичный интерес представляет и состояние его здоровья, и его склонности, постыдные или, напротив, похвальные, и многое другое.

Вместе с тем король заинтересован в производстве универсального, и его двор, помимо поэтов и художников, окружают юристы, поскольку это отделяет его от династической логики как логики семьи, устраняя претензии братьев, кузенов и т.д. Он обладает королевством как носитель всеобщей власти, а не как глава семейства; он отвергает притязания родственников, ссылаясь на авторитет всеобщего (государственный интерес, а не свой), но при этом источником его собственной, теперь уже личной власти является именно его принадлежность к партикулярному, к династии.

Модерное государство не обязательно отменяет короля (более того, во всяком реальном государстве действует логика «модерного государства», наряду с другими), но оно существует в рамках бюрократии как носителя всеобщего — цепочек удостоверения, превращения частного в официальное, перехода от лица к должности. Государственная власть в пределе анонимна — все действуют от имени государства, но и действия главы государства должны быть заверены, удостоверены кем-то другим. Это отчетливо видно на примере «безответственности» короля Англии, любой акт которого, чтобы стать государственным, должен быть удостоверен другим лицом. В итоге функция удостоверения, свидетельствования оказывается порождающей ответственность свидетельствующего о государственном, официальном характере акта уже в содержательном плане, то есть свидетельствующий становится тем, кто вправе судить, относится ли этот акт к государственным.

Как отмечает Александр Бикбов, понимание Бурдые генезиса государства сближается с размышлениями Райнхарта Козеллека (с. 35). Оба автора акцентируют неморальность государства, которое выступает целью само по себе и само в себе и не может оцениваться

на основе внешних критериев. Любое обсуждение целей и интересов государства предполагает круговую структуру, когда обсуждающий претендует на то, чтобы поместить себя в «нулевую позицию», центр окружности, откуда возможно суждение, одинаково верное для всего круга. Внеморальность является частным случаем нейтральности, которая, со своей стороны, делает возможной универсальность. Современное государство возникает в ситуации религиозных войн как выход из них, утверждение порядка, обязательного для всех подчинения правилам. Убеждения, личные представления и т.п. отходят в область частного, универсальное монополизируется, а процесс монополизации и есть процесс становления государства: «Оборотной стороной универсализации являются экспроприация и монополизация. Генезис государства — это генезис места управления универсальным и в то же время монополии универсального и совокупности людей, которые причастны к фактической монополии на то, что по определению связано с универсальным» (с. 218).

Бурдые определяет государство как «монополию на легитимное символическое и физическое насилие», тем самым корректируя Макса Вебера, который, с его точки зрения, недооценивал роль символического: именно наличие у государства символической власти и позволяет ему производить физическое насилие. Впрочем, здесь, в свою очередь, можно усмотреть недооценку Бурдые значения присутствующего в определении Вебера понятия «легитимное», включающего в себя, в отличие от понятия «легальное» (к этой дихотомии Бурдые не чувствителен), как раз символическое. Но при любой трактовке собственно насилие — как и вопрос о том, «кому принадлежит государство», — отходит на второй план. Ибо насилие обретает государственный смысл именно в логике легитимации (или разрушения легитимности — государством, не способным противодействовать насилию со стороны других акторов, или же государства, не способного легитимировать производимое им насилие и потому утрачивающего ту символическую власть, о которой рассуждает Бурдые), а для того, чтобы государство «кому-либо принадлежало», например классу, оно должно эффективно это скрывать, то есть выходить из логики, напрямую связывающей собственника и его собственность. Государство в трактовке Бурдые предстает символической реальностью, что и порождает двойственность всех суждений о нем — ведь язык описания государства и есть язык его воспроизводства, создания той сетки представлений и убеждений, которая и конституирует государство, а прояснение условий производства и воспроизводства государства делает последнее до некоторой степени иллюзией, поскольку вынуждает дистанцироваться от суждений, в рамках которых оно и есть реальность.

* * *

Курс лекций о государстве, опубликованный Издательским домом «Дело» на русском языке, был прочитан четверть века назад, однако и сегодня он интересен не только как памятник социально-теоретической

мысли. Будучи одним из последних опытов построения больших теоретических проектов, социологическая программа Бурдьё сохраняет свою действенность. Базовый вопрос, который возникает при современном обращении к курсу Бурдьё, связан со ставшей очевидной за последние десятилетия утратой государством монополии на универсальное, которая, конечно, никогда не была полной, но которой было достаточно для производства символических действий. Если следовать предложенной Бурдьё логике, то сейчас государство, оставаясь главным создателем официального, все больше утрачивает статус универсального. Иными словами, его роль источника легитимного насилия уже не бесспорна, оно все меньше способно выступать в качестве поля полей, оказываясь лишь одним из полей в ряду других, то есть поставлено под сомнение именно в качестве государства, что порождает проблему производства порядка. Ведь возможность получения отдельными группами выгоды от «логической и моральной интеграции» (с. 390) определяется тем, что сам порядок выступает благом для многих.